

П.А. ОРЕХОВСКИЙ

**«ФЕНОМЕН ГОРБАЧЕВА»:
РАСПАД СССР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ**

Инструментарий новой политической экономики редко применяют при анализе проблем советской экономики: однородное общество без классовых противоречий, с квотной социалистической избирательной системой, абсолютным доминированием одной правящей партии формально противоречит основным посылкам этого инструментария. В настоящее время большинство исследователей согласны с тем, что советское общество было неоднородным (некоторые приписывают ему даже классовые противоречия), однако не продвигаются дальше. Этому продвижению противоречит представление об СССР как об идеократическом государстве, в основе которого лежала гражданская религия марксизма-ленинизма. Но последняя объясняет стабильность политического режима, а не его распад. Новая политэкономика позволяет заметить, что СССР был формальной конфедерацией, которая становилась реальностью при нейтрализации партийного влияния, а также корпоративным государством, в рамках которого велась острая политическая борьба за ресурсы. Эти отношения маскировал миф об общественной собственности, в качестве которой выступала социалистическая государственная собственность. Как представлялось советским теоретикам, единый народнохозяйственный комплекс был неделим, разрыв хозяйственных связей был не выгоден как предприятиям, так и национальным элитам. Тем не менее советские условия делали ориентацию на получение максимума централизованных инвестиций с последующим выходом республики из единого экономического пространства вполне рациональной. Институциональные условия, в рамках которых нейтрализуются институты, предохраняющие государство от распада, периодически встречаются в ситуациях транзита власти. «Феномен Горбачева» — ситуация, в которой наблюдается паралич власти, связанный с острыми противоречиями внутри правящей коалиции. Частные интересы малых групп становятся политически легитимными, в рамках такого сценария остановить распад государства почти невозможно.

Ключевые слова: новая политическая экономика, конфедерация, КПСС, конституция СССР, корпоративизм, группы интересов, группы влияния.

JEL: B51, B52, H77, H82, P16

Политическая теология и новая политическая экономика

Появление новой политической экономии тесно связано с *разработкой теории общественного выбора*. В рамках последней анализируется поведение политиков, которые имеют собственные, индивидуальные интересы, отличающиеся от нормативно приписываемой государству целевой функции общественного благосостояния. Парламентские политики заинтересованы в своем переизбрании, для чего им нужно постоянное пополнение избирательных фондов. Поскольку они обладают влиянием, постольку к ним за нужными решениями обращаются группы интересов. При этом связи групп интересов с группами влияния осуществляются, как правило, не напрямую (подобное расценивалось бы как коррупция), но через посредничество лоббистов.

В свою очередь, политики, которые возглавляют различные ведомства и функционируют в рамках вертикали исполнительной власти, заинтересованы в сохранении и увеличении власти, что предполагает расширение контроля над ресурсами. В понятие «ресурсов» в данном случае включаются и частные фирмы, в отношении которых действуют государственные регуляторы. Проблема, которую пытается решить новая политическая экономика применительно к исполнительной власти, — *отношения принципала и агента*. Полностью исключить оппортунистическое поведение при помощи формализации должностных инструкций, разработки регламентов и других бюрократических процедур невозможно. Кроме того, каждое ведомство имеет свою специфику, требующую от принципала знания контекста.

К истории функционирования и распада СССР инструментарий новой политической экономии обычно не применяется. Хотя существует большое количество работ, в рамках которых говорится о существовании в государстве рабочих и крестьян *номенклатуры* — особого эксплуататорского класса, сформировавшегося из «обуржуазившихся» большевиков [1; 2; 3; 4]. Следует упомянуть и концепцию неразделенной «власти — собственности», в рамках которой СССР рассматривался в качестве варианта «азиатского способа производства», где государственные чиновники также рассматривались в качестве особого «эксплуататорского сословия» [5; 6]. В данных работах творчески развивается *старая* политэкономика: в первую очередь это марксистский анализ. Последний рассматривает государство как аппарат угнетения, действующий в интересах господствующего класса. Такая позиция отрицает цель максимизации общественного благосостояния *изначально*, поскольку интересы правящего и угнетенного класса могут совпадать только в очень редких ситуациях, случайно.

Очевидно, что теория общественного выбора, которая разрабатывалась применительно к «буржуазной» парламентской демократии, не должна была применяться к политическому режиму СССР, который идентифицировался западными исследователями как «тоталитарный». В лучшем случае за политическим режимом СССР признавался вариант

«социалистической демократии», однако и в этом случае о формировании коалиций в парламенте, где большинство всегда принадлежало одной партии, не могло быть и речи. Естественно, не было и избирательных фондов, которыми бы распоряжались претенденты на депутатство. Советское общество считалось однородным монолитом, в основе которого лежала общая гражданская религия — марксизм-ленинизм. В политическом отношении такая форма общества представляется идеократией [7], где построенное после революции и гражданской войны государство обладает свойством сакральности. Именно последнее делает власть «слуг народа» легитимной, а не только легальной.

Представление о том, что на правителей распространяется часть ореола того или иного божества, является одним из самых древних вариантов гражданской религии. Современная политическая теология использует «слабую версию» данного представления: идея «общественного договора» является достаточной для легитимации политического режима [8; 9; 10; 11]. Причем неважно, существовал или нет такой договор в действительности [12]. Согласно теореме Томаса, для того чтобы государство могло функционировать эффективно, без гражданских конфликтов, достаточно того, чтобы люди верили в реальность такого договора¹.

Таким образом, политическая теология предъясняет убедительный ответ на вопрос о причинах распада СССР — *граждане перестали верить в догмы марксизма-ленинизма*. В результате политический режим, во главе которого находилась КПСС, потерял свою легитимность. Интересы отдельных социальных групп, которые пользовались своим привилегированным положением в советском государстве, при этом игнорируются: коммунисты и их главный орган, ЦК КПСС, просто решили совершить политическое самоубийство, осознав после 70 лет своего господства, несомненные преимущества капитализма и либеральной демократии.

Характеристика событий 1986–1993 гг. как победы демократии над тоталитаризмом в СССР — господствующий дискурс как в российской, так и в западной историографии [14; 15; 16]. В целом с таким описанием не хочется дискутировать — современный российский политический режим действительно является намного более демократическим, чем советский. Тем не менее «поражение коммунизма» оставляет открытыми как минимум два вопроса.

Первый. Если граждане отказались от марксизма-ленинизма, то почему нелегитимным стал политический режим только в СССР *в целом*? Разве в советских республиках были установлены другие, не коммунистические режимы? А если они имели общую природу, то почему было ликвидировано только общее советское государство, а его отдельные части сохранились?

¹ «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях» (цит. по [13, с. 605]).

Второй. Почему главная политическая сила — коммунисты — отказались от власти, а заодно от всех благ, которое дает обладание властью?² Идеология свободы возобладала над их материальными интересами?

В рамках политической теологии невозможно ответить на эти вопросы. Гипотеза о существовании гражданской религии хорошо помогает в объяснении стабильности функционирования государства, но сравнительно мало что может сказать в отношении причин его распада. Напротив, новая политическая экономия *намного более инструментальна при анализе таких кризисов*. Но для этого нужно отказаться от посылки об однородности советского общества.

При взгляде на СССР из XXI в. последнее предложение является банальностью. Ни историки, ни социологи, ни экономисты, ни философы уже давно не придерживаются этой посылки. Советское общество было *неоднородно*.

СССР как конфедерация. Общественная собственность

Несмотря на распространенное мнение о том, что СССР был унитарным государством, *в его конституциях, по сути, закрепляется конфедеративное устройство*. Конституция 1924 г., глава вторая: «О суверенных правах союзных республик и о союзном гражданстве.

3. Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно; Союз Советских Социалистических Республик охраняет суверенные права союзных республик.

4. За каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза.

5. Союзные республики, в соответствии с настоящей Конституцией, вносят изменения в свои конституции...»³.

² Необходимо оговориться, что рядовой член КПСС имел примерно такие же права и привилегии, как и члены обычных массовых политических организаций (скажем, Республиканской партии США или Христианско-Демократического Союза в ФРГ). Однако благодаря монополии КПСС на власть, ее встроенности в государственную структуру коммунист имел значительное преимущество перед беспартийными при занятии т.н. ответственных должностей. Важно то, что это были не только должности в партийном аппарате (партийные боссы существуют во всех крупных партиях), но и просто статусные рабочие места руководителей НИИ, директоров заводов, строительных, транспортных и торговых организаций. Именно на это обстоятельство и указывали многочисленные критики «номенклатуры» и «соцолигархии».

³ Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 г. и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 г. // Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm> (дата обращения: 03.07.2022).

Эти положения сохраняются и в «бухаринской» Конституции 1936 г.: «Статья 15. Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в ст. 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая Союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик.

Статья 16. Каждая Союзная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР.

Статья 17. За каждой советской республикой сохраняется право свободного выхода из СССР»⁴.

Право свободного выхода республик из СССР сохраняется вплоть до его распада в 1991 г. В последней советской Конституции 1977 г. есть ст. 72, где говорится: «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР»⁵. Формально республики — это вполне самостоятельные, *суверенные государства*. В проекте Конституция 1964 г., например, содержала следующие статьи:

«Статья 201. Союзная республика есть суверенное государство, добровольно объединившееся с другими равноправными союзными республиками в Союз ССР.

Статья 202. Союзная республика имеет свою конституцию, построенную на основе Конституции СССР и учитывающую особенности республики.

Статья 203. Территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия. Союзная республика устанавливает административно-территориальное устройство республики.

Статья 204. Союзная республика имеет свое гражданство и право приема в гражданство. Граждане других союзных республик пользуются на территории любой союзной республики равными правами с гражданами этой республики.

Статья 205. Союзная республика сохраняет за собой право свободного выхода из СССР. Изменение, ограничение или отмена этого права не могут быть произведены без согласия всех союзных республик.

Статья 206. Союзная республика имеет право осуществлять дипломатические и экономические сношения, а также культурные связи с иностранными государствами.

Статья 207. Союзная республика вправе иметь свои республиканские войсковые формирования...

Статья 211. Союзная республика по всем вопросам, кроме отнесенных согласно настоящей Конституции к ведению СССР, осу-

⁴ Конституция СССР (1936) // Викитека. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_СССР_\(1936\)/Исходная_редакция](https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_СССР_(1936)/Исходная_редакция) (дата обращения: 03.07.2022).

⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 03.07.2022).

ществляет государственную власть самостоятельно, сохраняя свой суверенитет»⁶.

В Конституции 1977 г. статьи о республиканских войсковых формированиях и гражданстве исчезли, но все остальное сохранилось, причем эти положения действовали не только на бумаге. В союзных республиках имелись свои министерства иностранных дел, внутренних дел, другие ведомства, функции которых пересекались с союзными; собственно, такие ведомства и числились как «союзно-республиканские». В автономных республиках в составе союзных республик таких атрибутов государственности не было.

С позиций новой политэкономии такая государственная форма напоминает своеобразную «зону свободной торговли», ассоциацию. И важнейший экономический вопрос здесь — регулирование потоков (государственных) инвестиций и соблюдение единства налогообложения. Если какой-то из субъектов ассоциации начнет, например, снижать налоги для привлечения инвестиций (или для получения односторонних преимуществ в торговле), превышая согласованный предел своего государственного долга, он сможет добиться экономического роста за счет перетока инвестиций из юрисдикций с более высоким налоговым бременем.

Если признать, что советские республики имели собственные, несводимые к союзным, интересы, то они *должны были* стремиться к получению инвестиций из союзного бюджета для реализации собственных инвестиционных проектов. Такая стратегия вполне рациональна: необходимо добиться максимума того, что может дать союзный центр, добиваясь повышения уровня социально-экономического развития и, напротив, когда центр начнет изымать соответствующие республиканские сбережения для обеспечения инвестиций в других союзных республиках, отказать ему в этом, воспользовавшись правом свободного выхода⁷.

Оптимистические представления о том, что фритредерство обеспечивает преимущества всем сторонам, поэтому народы, входящие в большое государство, *должны быть экономически заинтересованы в его сохранении*, являются неверными. Как в свое время показал М. Олсон, большие группы, к которым как раз и относятся классы и народы, крайне редко способны к коллективным действиям. Эффективно договариваются и реализуют свои интересы малые группы [18]. Национальные элиты и будут определять поведение народов, объясняя им как необходимость строительства новых заводов, где руководство будет представлять «титульный этнос», а низкостатусные рабочие места заполнят

⁶ Проект Конституции (Основного закона) СССР 1964 г. // Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13895> (дата обращения: 03.07.2022).

⁷ Характерным подтверждением хрупкости подобных ассоциаций является функционирование Совета экономической взаимопомощи. Страны СЭВ пользовались дешевыми советскими ресурсами, успешно добиваясь односторонних преимуществ в торговле и блокируя все то, что представлялось им сравнительно невыгодным [17].

«мигрантами» и «лимитчиками», так и необходимость выхода из «единого экономического пространства», поскольку из республики теперь «все вывозят в центр». Конфедерация редко бывает устойчива в длительном периоде. Для того чтобы обеспечить устойчивость такой политической формы, необходимы дополнительные, весьма жесткие институты (пример Швейцарии), с легитимностью которых будут согласны все участники такого объединения.

В случае СССР главным таким институтом, не позволяющим рассыпаться конфедерации, была, конечно же, ВКП(б) — КПСС. Для того чтобы оказаться в составе национальной элиты, необходимо было стать коммунистом и подчиняться партийной дисциплине. Исключения — обычно среди научной или художественной элиты — конечно, были, но они только подтверждали правило. При этом продвижение вверх по служебной лестнице и/или в ходе приобретения символического капитала приводило к тому, что из национальной элиты коммунист кооптировался в элиту общесоюзную. Институциональная важность КПСС достаточно хорошо понималась коммунистами, что было отражено и в Конституции 1977 г., в ее знаменитой шестой статье:

«Статья 6. Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.

Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма.

Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР»⁸.

Ситуация, в которой Генеральный секретарь КПСС, считая СССР унитарным государством, стал бороться с ЦК КПСС, полагая, что республиканские Советы народных депутатов будут эффективно проводить экономические реформы, кажется фантастикой. Но ведь именно так и было: «Самый пикантный момент в написанных годы спустя мемуарах Горбачева касается политических реформ 1988–1989 гг.: он пишет, что «не был готов» тогда «выдвинуть по-настоящему глубокую программу, включающую преобразование унитарного государства в действительно федеративное». Но саботировав работу Секретариата ЦК, он невольно получил именно то, об отсутствии чего потом сожалел! Как писал в 1991 г. один из его главных военных советников маршал С.Ф. Ахромеев, «в соответствии с Конституцией СССР высшие республиканские органы власти соответствующим союзным органам не подчинены. Они связывались воедино только партийным влиянием и партийной дисципли-

⁸ Шестая статья Конституции была отменена III Съездом народных депутатов СССР, проходившим в Москве 12–15 марта 1990 г. К этому моменту судьба СССР была уже полностью предreshена.

ной... Понимало ли все это Политбюро во главе с М.С. Горбачевым? Должно было понимать» [19, с. 85–86].

Саботаж Генеральным секретарем работы Центрального комитета партии — *важный фактор ослабления эффективности деятельности института*. Однако самого по себе этого фактора было недостаточно для того, чтобы рухнула вся гражданская религия марксизма-ленинизма вместе с советским государством. Конечно, к этому необходимо добавить гласность и широкую компанию в СМИ и других советских медиа, направленную на делегитимацию власти коммунистов. Но сами-то члены КПСС тогда полагали, что публичное разоблачение преступлений режима оказывает оздоравливающее влияние на партию и общество. Если бы в это время некто со стороны сказал бы на каком-либо партийном мероприятии, что дело идет к ликвидации СССР, мнение такого субъекта было бы в лучшем случае проигнорировано. Скорее всего, такого субъекта подвергли бы остракизму.

В связи с вышесказанным возникает вопрос о причинах непонимания или игнорирования коммунистами конфедеративной формы СССР и высокой вероятности распада. Ответ — общепринятое представление об общественной собственности, которая, с одной стороны, должна была обеспечить невиданный рост производительности и благосостояния советского народа, с другой, — являясь *государственной*, вроде бы не могла быть экспроприрована. Единый народнохозяйственный комплекс, как тогда полагали и экономисты, и политики, является важнейшей гарантией от распада, ведь разрыв хозяйственных связей никому не может быть выгоден.

Общественная собственность была *главной проблемой советского социализма*. Марксизм-ленинизм внушал своим адептам, что это основное производственное отношение является более передовым, прогрессивным, чем частная собственность. Государственная, общенародная собственность гарантирует самый высокий уровень обобществления, позволяет реализоваться планомерности и добиться огромного роста производительности труда и уровня жизни.

Но государственная собственность уже была в Древнем мире, в царствах Египта и Вавилона. Вдобавок отношения обмена, которые сохраняются и при социализме, предполагают, что в процессе обмена объекты меняют собственников. А если обмен имеет место между государственными предприятиями, то, получается, собственник остается тот же.

Последняя сложная проблема была решена советским правоведом А.В. Венедиктовым, который ввел в оборот категорию относительной экономической обособленности. Социалистические предприятия, каждое из которых располагало своим имуществом, были *относительно* отделены от государства, что и позволяло им вести хозяйственный расчет, учитывать свои поступления и расходы. Тем самым А.В. Венедиктову, по сути, удалось *легитимировать* государственную собственность в качестве главной формы общественной собственности. Показать, как та-

кая собственность обеспечит резкий рост производительности труда, пытались многие советские политэкономы. Предполагалось, что государственная собственность будет использовать преимущества плановости, которыми не располагала частная собственность. Однако в целом задача обеспечения роста производительности через передовые социалистические институты, основанные на общественной собственности, так и не была решена ни в теории, ни на практике.

В Конституции СССР 1977 г. ведущая роль общественной собственности закреплялась следующим образом:

«Статья 10. Основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности.

Социалистической собственностью является также имущество профсоюзных и иных общественных организаций, необходимое им для осуществления уставных задач.

Государство охраняет социалистическую собственность и создает условия для ее преумножения.

Никто не вправе использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и в других корыстных целях.

Статья 11. Государственная собственность — общее достояние всего советского народа, основная форма социалистической собственности.

Статья 76. Союзная республика — суверенное советское социалистическое государство, которое объединилось с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик.

Вне пределов, указанных в статье 73 Конституции СССР, союзная республика самостоятельно осуществляет государственную власть на своей территории...

Статья 77. Союзная республика участвует в решении вопросов, отнесенных к ведению Союза ССР, в Верховном Совете СССР, Президиуме Верховного Совета СССР, Правительстве СССР и других органах Союза ССР.

Союзная республика обеспечивает комплексное экономическое и социальное развитие на своей территории, способствует осуществлению на этой территории полномочий Союза ССР, проводит в жизнь решения высших органов государственной власти и управления СССР.

По вопросам, относящимся к ее ведению, союзная республика координирует и контролирует деятельность предприятий, учреждений и организаций союзного подчинения»⁹.

Легко заметить, что республика также является «советским государством», а «республиканский народ» также имеет свою «общенародную собственность», как и «советский народ». Несмотря на то, что в Конституции упоминаются «предприятия союзного подчинения», они находятся во все той же государственной собственности и при выходе республики

⁹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.

из состава СССР экспроприируются в собственность «республиканского народа». При этом стоит отметить, что экспроприируется не только собственность «союзных предприятий», но и профсоюзов, и прочих союзов, включая творческие, такие, как союз писателей, композиторов, художников.

Таким образом, государственная социалистическая собственность *может быть поделена между квазигосударственными акторами*. Инструменты новой политэкономии, предполагающие заинтересованность этих акторов в максимизации собственного благосостояния, позволяют увидеть, что в тех институциональных условиях, в которых функционировал СССР, деятельность национальных элит, направленных на выход республик из его состава, была *экономически рациональной*. Распространенное мнение, что республики получили *только ущерб* от разрыва хозяйственных связей, в целом является неверным: необходимо сопоставлять этот ущерб со стоимостью полученного в свое распоряжение имущества.

СССР как корпоративное государство

Как бы не интерпретировать общественную собственность, будь то государственную, паевую, акционерную, колхозно-кооперативную и т.д., этот институт обязательно предполагает обязательное разделение правами владения, распоряжения, пользования объектами собственности. Права владения передавались государству, пользовались имуществом предприятия, но могли ли они им распоряжаться? Вообще говоря, на протяжении большей части истории СССР не могли, точнее, могли в крайне узких пределах. История дискуссий о хозрасчете, товарно-денежных отношениях и правах предприятий, по сути, — это как раз история споров экономистов о правах предприятий.

В ретроспективе может показаться, что споры шли не столько о праве распоряжения основными фондами и продукцией, а о директивном и индикативном планировании. И в этом отношении современный экономист, скорее всего, будет выступать за максимальную свободу предприятий в распоряжении товарами и имуществом, за сокращение бюрократического вмешательства в деятельность «первичных социалистических единиц». Такой подход представляется вполне естественным — кроме формы собственности (различий в правах владения), советское предприятие выглядит полным аналогом капиталистической фирмы.

Экономисты-математики описывали советские предприятия как производственные функции с определенными ограничениями по распоряжению прибылью, аналогия с фирмами была полная. Политэкономы социализма, как и другие социалистические теоретики, описывали предприятия как акторов, заинтересованных прежде всего в росте оплаты труда персонала. Это отличало таких социалистических акторов от фирм, заинтересованных в первую очередь в максимизации прибыли. Однако хозрасчет позволял предприятиям формировать из прибыли

фонды, которые могли быть направлены на премирование руководства предприятия. В такой конструкции *вводился искусственный конфликт интересов*, где работники были заинтересованы в росте зарплаты, а руководство — в росте прибыли. По мнению теоретиков, это способствовало эффективной работе предприятий, поэтому и для политэкономов различия в подходах к анализу деятельности предприятия и фирмы были относительно небольшими.

Однако проблема была совсем в другом. В составе имущества социалистических предприятий большой удельный вес занимали непроизводственные фонды. В последние включались организации жилищно-коммунального хозяйства, детские дошкольные учреждения, организации торговли и общественного питания, санатории и дома отдыха, транспортные предприятия и спортивные клубы. Такие предприятия были в прямом смысле *градообразующими*: кроме производственной деятельности, позволяющей получать доход, они выполняли множество социальных функций. И свобода распоряжения своей продукцией и имуществом, предполагающая соответствующую ответственность и риски банкротства означала и появление массы социальных рисков. Город или поселок городского типа, лишенный доходов от деятельности основного предприятия, необходимо было либо содержать за счет бюджетных средств, либо осуществлять мероприятия по переселению. Решать такие задачи руководство социалистических предприятий не могло — отсутствовали и ресурсы, и компетенции.

Функции распоряжения имуществом предприятий той или иной отрасли были закреплены за соответствующими министерствами и ведомствами. Естественно, что распоряжались они и непроизводственными фондами — в составе министерств были свои главки, отвечавшие за строительство, здравоохранение, организацию отдыха и детские учреждения, снабжение населения подведомственных городов товарами (управления рабочего снабжения). Такие министерства были ничем иным, как *корпорациями*. Однако не в нынешнем смысле, предполагающем выпуск титулов собственности (акций) в обращение на фондовых биржах, но в старом, восходящем к античности и Средневековью понимании *юридического лица*. Понимание корпорации как «ангельской сущности», нематериальной, но субъектной, разрабатывается в середине XIII в. папой Иннокентием IV. В рамках министерств действовал корпоративный дух: устанавливались свои нормы, регулирующие не только режим труда и зарплаты на подведомственных предприятиях, но и режимы доступа к социальным благам — жилью, детсадам, столам заказов, домам отдыха. Попытка передать такое имущество местным Советам или другим министерствам (например, министерству здравоохранения) расценивалась бы — и совершенно справедливо — как экспроприация корпоративной собственности. Даже в марксистском дискурсе это означало бы изменение права распоряжения, что сразу меняло режим доступа (и исключения доступа) к этим благам.

Естественно, что корпорации боролись между собой за ресурсы советского государства, и такая борьба не могла быть ничем другим, как *политикой*. Если рыночный механизм решает проблему аллокации ресурсов через готовность платить более высокие цены, а также соответствующее кредитование, то, как показал еще Й. Шумпетер, при социализме осуществляется административное перераспределение [20]. Решения о тех или иных объемах выделяемых ресурсов принимались как в результате дискуссий и борьбы в Кабинете министров СССР, где участвовал и Госплан, так и в результате дискуссий и торга внутри ЦК КПСС и Политбюро. Замедление темпов экономического роста, обострение товарного дефицита и проблемы очередей на получение жилья, увеличение удельного веса теневой экономики еще в 1970-е гг. — все это свидетельствовало об огромных диспропорциях, сложившихся в результате корпоративной борьбы. Выражаясь языком современной политологии, диспропорции советской экономики — следствие многочисленных внутриэлитных конфликтов. Однако борьба была непубличной. Внешне дело обстояло так, как будто все решалось на очередных Пленумах ЦК КПСС, где царил единогласие.

Корпоративные конфликты, лоббирование узковедомственных интересов — наличие всего этого в СССР становится очевидным в свете политико-экономического анализа. Содержание корпоративной борьбы, собственно, предопределяло содержание советских пятилеток, начиная по крайней мере с 1970 г. Несмотря на всю важность институционального дизайна, руководству СССР, чтобы избежать экономического краха, *необходимо было добиваться изменения структуры экономики*, причем именно жесткими директивными методами. Расширение прав предприятий не только не могло помочь в исправлении острых диспропорций, но и усугубило бы все проблемы СССР. Однако именно это и было сделано. 30 июня 1987 г. Верховный Совет СССР принимает закон «О государственном предприятии (объединении)», существенно расширяющий права предприятий. Закон разрушал административную вертикаль, резко ограничив возможности министерств влиять на кадровую политику (вводилась выборность руководителей). Запрещалось изъятие и оборотных средств — это ограничивало возможности министерств для создания отраслевых фондов и централизованных инвестиций. Наконец, плановые задания заменялись государственным заказом, доля которого в объеме выпуска продукции должна была постепенно снижаться.

Закон о государственном предприятии дополнялся законами о кооперации и индивидуально-трудовой деятельности. Эти законы позволяли осуществлять так называемую «ползучую приватизацию», приводя к полной разбалансировке финансовой системы, но дело не только (и не столько) в этом. Тем самым разрушался *советский корпоративизм* — практически вся социальная и инженерная инфраструктура, деятельность которой обеспечивалась министерствами, оказывалась брошенной. Для бывших градообразующих предприятий, переходящим в режим функционирования коммерческих фирм с мягким бюджетным ограни-

чением, социальная нагрузка несла только убытки, а у местных Советов народных депутатов не было ни денег, ни специалистов для эффективного управления организациями инфраструктуры.

Необходимо еще раз подчеркнуть важнейшую особенность советских хозяйственных корпораций — фактически они были *политическими* организациями, лоббировавшими интересы своих отраслей внутри КПСС и системы исполнительной власти. Разрушение этих корпораций уничтожало большой социальный капитал, которым владели советские руководители. Заодно ликвидировалась важная политическая сила, которая в определенных условиях и при соответствующей предварительной подготовке могла бы выступить в защиту СССР наряду с ЦК КПСС. Хотя министерства были скомпрометированы едва ли не раньше, чем сами коммунисты, о необходимости расширения прав предприятий в СССР говорили все экономисты-теоретики еще со времен косыгинской реформы. Стоит повториться, что именно борьба отраслевых лоббистов за ресурсы привела к созданию и обострению всех диспропорций. Трудно сказать, насколько осознавало структурные проблемы политическое руководство СССР и насколько в его силах было их решить. Дискурс общественной собственности и единого народнохозяйственного комплекса закрывал возможности видения корпоративного устройства социально-экономической жизни СССР. И хотя советские СМИ достаточно часто писали об узковедомственных интересах, приводящих к негативным последствиям, наличие корпоративных интересов и неоднородности советской экономики и общества было характерным слепым пятном для социалистических теоретиков. Министерства и их работники в общественном сознании были такой же номенклатурой, как и аппарат ЦК КПСС, если не хуже.

Заключение: «феномен Горбачева»

В советское время довольно долго была популярна фраза Ю.В. Андропова о том, что мы не знаем общества, в котором живем. Но глагол «знать» предполагает соотнесение субъекта с описанием предмета, его характеристиками. Каждый гражданин СССР очень неплохо *знал* общество, в котором жил. Но вопрос — *что понимали* Андропов, Горбачев и другие руководители СССР в советском обществе, остается открытым. Судя по тому, что адекватный язык самоописания отсутствовал, и СССР представлялся как унитарное государство с государственной социалистической собственностью и единым народнохозяйственным комплексом, понимания того, с чем они имеют дело, у коммунистического руководства не было. И «загадка Горбачева» — боролся ли он с ЦК КПСС и советскими корпорациями, исходя из романтических шестидесятилетних мотивов, как полагает С. Коткин, или реализовывал специальный «хитрый план», — по-видимому, никогда не будет разгадана.

Задним числом, глядя на траекторию развития коммунистического Китая, легко построить проект реформ, включающий изме-

нения в Конституции, ликвидацию дублирующих союзных органов власти пятнадцати республик с понижением их статуса до автономных (именно последнее, отвечая на вопрос, поставленный во введении, удержало Российскую Федерацию от распада), передачу непрофильных активов от министерств местным Советам, радикальное изменение структуры инвестиций и либерализацию цен. В этот проект вписалось бы многое из того, что предлагали (и осуществляли на практике) «младореформаторы» в 1990-х гг. По-видимому, это позволило бы не только сохранить СССР, но добиться принципиально иного качества экономического роста.

Однако если вернуться к инструментарию анализа новой политической экономики, реализация такого проекта реформ в 1970–1980-х гг. была невозможна. В СССР не было акторов, готовых осуществлять такие реформы. И наоборот, было большое количество групп интересов, заинтересованных в прямо противоположных мероприятиях. Суммируем выводы из анализа предыдущих разделов.

Первое. Интересы национальных элит союзных республик заключались в максимизации стоимости активов, расположенных в их юрисдикциях с последующим получением контроля над этими активами.

Второе. Интересы союзных министерств-корпораций заключались в приобретении все большего объема ресурсов. Однако их положение в системе исполнительной власти не позволяло трансформировать распоряжение во владение, получить дополнительные права. Единственным (и очень важным) исключением, демонстрирующим возможность превращения министерства в реальную корпорацию, было превращение Министерства газовой промышленности СССР в концерн «Газпром», осуществленное министром В.С. Черномырдиным, пробившим соответствующее постановление Совета министров в 1989 г. Но для большинства министерств, особенно после принятия Закона о государственном предприятии (объединении) такая трансформация была невозможна.

Третье. Интересы многочисленных директоров предприятий (объединений) заключались в получении полного контроля над имуществом (фактически даровой собственностью), что позволяло им максимизировать собственные доходы.

Четвертое. Интересы ЦК КПСС, Политбюро и всей партийной вертикали — сохранение политической власти и доминирующего положения в государственной системе управления.

Хотя часть членов первых трех групп акторов входила в четвертую группу (или по крайней мере, имела с ней очень тесные связи), в целях упрощения анализа абстрагируемся от этого обстоятельства. Тогда первые три группы становятся группами интересов, последняя — группой влияния. Нейтрализация последней приводит к тому, что вся система согласования интересов рассыпается, приводя к политическому кризису.

Что может представлять собой такая нейтрализация?

Во-первых, необходимы противоречия внутри такой группы. В теории общественного сектора хорошо известен парадокс голосования,

связанный с наличием у членов группы, принимающих решения, двух и более экстремумов предпочтений.

Во-вторых, нужен распад прежней гражданской религии, что делает старую элиту, представленную в парламенте и правительстве, нелегитимной. Как это не удивительно, но в отношении автократических политических режимов выполнение подобных условий встречается достаточно часто, особенно во время естественной (просто в силу ухода по возрасту) ротации элит. Ситуацию внезапной хрупкости режима, обусловленной поведением политического лидера, в данной работе предлагается называть «феноменом Горбачева».

Осмысление такого феномена в рамках новой политической экономики должно привести к выработке институционального дизайна, который не только позволяет сохранять стабильными федеративные отношения во время политических кризисов, но и позволяет идентифицировать интересы основных акторов, делать их *открытыми* для понимания обществом. Вера в преимущества социалистической государственной собственности и реальность единого народнохозяйственного комплекса сыграла дурную шутку как с экономистами-теоретиками, так и с советскими политиками. К. Маркс предъявлял к своим сторонникам требование избегать фетишей, и это требование становится еще более актуальным при анализе политических режимов различных государств (и их объединений) в третьем десятилетии XXI в.

Список литературы

1. Троцкий Л.Д. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991.
2. Джилас М. Новый класс: Анализ коммунистической системы. New York: Praeger, 1958.
3. Виттфогель К.-А. Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти. 1957. 689 с. URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml (дата обращения: 30.06.2022).
4. Восленский М. Номенклатура. М.: МП «Октябрь» — Советская Россия, 1991.
5. Нуреев Р.М. Азиатский способ производства и социализм // Вопросы экономики. 1990. № 3. С. 47–58.
6. Плискевич Н.М. Система «власть — собственность» в современной России // Вопросы экономики. 2008. № 5. С. 119–126.
7. Фурман Д.Е. Сталин и мы с религиозной точки зрения // Фурман Д.Е. Избранное. М.: Территория будущего, 2011. С. 262–298.
8. Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб.: Владимир Даль, 2021.
9. Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011.
10. Агамбен Дж. Homo Sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011.
11. Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo Sacer, II, 2. СПб.: Владимир Даль, 2021.

12. Сен А. Идея справедливости. М.: Изд-во Института Гайдара, Фонд «Либеральная миссия», 2016.
13. Мертон Р. Самоосуществление пророчества // Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 605–626.
14. Ермолов А.Ю. Взгляды современных зарубежных ученых на экономические проблемы позднего СССР. Часть 1 // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 4. С. 126–140.
15. Ермолов А.Ю. Взгляды современных зарубежных ученых на экономические проблемы позднего СССР. Часть 2 // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1. С. 94–111.
16. Ермолов А.Ю. Причины экономического краха СССР в российской историографии // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 2. С. 139–154.
17. Липкин М.А. Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства. М.: Весь мир, 2019.
18. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995.
19. Коткин С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
20. Шумпетер Й. Капитализм, социализм, демократия. М.: Экономика, 1995.

References

1. Trotskii L.D. Predannaia revoliutsiia [Revolution Betrayed]. Moscow, NII kul'tury, 1991. (In Russ.).
2. Dzhilas M. Novyi klass: Analiz kommunisticheskoi sistemy [An Analysis of the Communist System]. New York: Praeger, 1958. (In Russ.).
3. Wittfogel' K.-A. Despotizm Vostoka. Sravnitel'noe issledovanie total'noi vlasti [Despotism of the East. Comparative Study of Total Power], 1957, 689 p. (In Russ.). Available at: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml (accessed 30 June 2022).
4. Voslenskii M. Nomenklatura [Nomenclature]. Moscow, MP «Oktiabr'» – Sovetskaya Rossiya, 1991. (In Russ.).
5. Nureev R.M. Aziatskii sposob proizvodstva i sotsializm [Asian Mode of Production and Socialism], *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 1990, No. 3, pp. 47–58. (In Russ.).
6. Pliskevich N.M. Sistema “vlast' – sobstvennost'” v sovremennoi Rossii [The System “Power – Property” In Modern Russia], *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], No. 5, 2008, pp. 119–126. (In Russ.).
7. Furman D.E. Stalin i my s religiovedcheskoi tochki zreniia [Stalin and We From a Religious Point of View], Furman D.E. Izbrannoe. Moscow, Territoria budushchego, 2011, pp. 262–298. (In Russ.).
8. Dzhentile E. Politicheskie religii. Mezhdum demokratiei i totalitarizmom [Political Religions. Between Democracy and Totalitarianism]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2021. (In Russ.).
9. Agamben Dzh. Homo Sacer. Suverennaia vlast' i golaia zhizn' [Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life]. Moscow, Evropa, 2011. (In Russ.).
10. Agamben Dzh. Homo Sacer. Chrezvychainoe polozhenie [Homo Sacer. State of Emergency]. Moscow, Evropa, 2011. (In Russ.).
11. Agamben Dzh. Stasis. Grazhdanskaya voyna kak politicheskaya paradigm. Homo Sacer II, 2 [Stasis. Civil War as a Political Paradigm. Homo Sacer II, 2]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2021. (In Russ.).

12. Sen A. Ideia spravedlivosti [The Idea of Justice]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, Fond "Liberal'naia missiia", 2016. (In Russ.).
13. Merton R. Samoosushchestvlenie prorochestva [Self-fulfillment of Prophecy], *Sotsial'naia teoriia i sotsial'naia struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST, KhRANITEL', 2006, pp. 605–626. (In Russ.).
14. Ermolov A.Iu. Vzgliady sovremennykh zarubezhnykh uchenykh na ekonomicheskie problemy pozdnego SSSR. Chast' 1 [Views of Modern Foreign Scientists on the Economic Problems of the Late USSR. Part 1], *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki* [Questions of Theoretical Economics], 2020, No. 4, pp. 126–140. (In Russ.).
15. Ermolov A.Iu. Vzgliady sovremennykh zarubezhnykh uchenykh na ekonomicheskie problemy pozdnego SSSR. Chast' 2 [Views of Modern Foreign Scientists on the Economic Problems of the Late USSR. Part 2], *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki* [Questions of Theoretical Economics], 2021, No. 1, pp. 94–111. (In Russ.).
16. Ermolov A.Iu. Prichiny ekonomicheskogo krakha SSSR v rossiiskoi istoriografii [Causes of the Economic Collapse of the USSR in Russian Historiography], *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki* [Questions of Theoretical Economics], 2022, No. 2, pp. 139–154. (In Russ.).
17. Lipkin M.A. Sovet Ekonomicheskoi Vzaimopomoshchi: istoricheskii opyt al'ternativnogo global'nogo miroustroistva [Council for Mutual Economic Assistance: the Historical Experience of an Alternative Global World Order]. Moscow, Ves' mir, 2019. (In Russ.).
18. Olson M. Logika kolektivnykh deistvii. Obshchestvennye blaga i teoriia grupp [The Logic of Collective Action. Public Goods and Group Theory]. Moscow, Fond ekonomicheskoi initsiativy, 1995. (In Russ.).
19. Kotkin S. Predotvrashchennyi Armageddon. Raspad Sovetskogo Soiuz, 1970–2000 [Prevented Armageddon. The collapse of the Soviet Union, 1970–2000]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. (In Russ.).
20. Shumpeter I. Kapitalizm, sotsializm, demokratiia [Capitalism, Socialism, Democracy]. Moscow, Ekonomika, 1995. (In Russ.).

“THE GORBACHEV PHENOMENON”: THE COLLAPSE OF THE USSR THROUGH THE PRISM OF THE NEW POLITICAL ECONOMY

The tools of the new political economy are rarely used in the analysis of the problems of the Soviet economy. A homogeneous society without class contradictions, with a quota socialist electoral system, and the absolute dominance of one ruling party formally contradicts the basic premises of this toolkit. At present time most researchers agree, that Soviet society was heterogeneous (some scientists even attribute class contradictions to it), but do not go any further. This progress is contradicted by the idea of the USSR as an ideocratic state, based on the civil religion of Marxism-Leninism. But the latter explains the stability of the political regime, not its collapse. The new political economy makes it possible to notice that the USSR was a formal confederation, which became a reality when party influence was neutralized, as well as a corporate state, within which there was a sharp political struggle for resources. These relations were masked by the myth of public property, which was socialist state property. As it seemed to Soviet theoreticians, a single national economic complex was indivisible. The rupture of economic ties was not beneficial to both enterprises and national elites. Nevertheless, the Soviet conditions made the orientation towards obtaining the maximum of centralized investments with the subsequent withdrawal of the republic from the single economic space quite rational. Institutional conditions, within which the institutions

that protect the state from disintegration are neutralized, are periodically encountered in situations of power transit. The «Gorbachev Phenomenon» is a situation in which there is a paralysis of power associated with sharp contradictions within the ruling coalition. In such a situation, the private interests of small groups become politically legitimate, and it is almost impossible to stop the collapse of the state.

Keywords: new political economy, confederation, CPSU, constitution of the USSR, corporatism, interest groups, groups of influence.

JEL: B51, B52, H77, H82, P16

Дата поступления — 03.07.2022 г.

ОРЕХОВСКИЙ Петр Александрович

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник — заведующий сектором философии и методологии экономической науки; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32., г. Москва, 117218.

e-mail: orekhovskypa@mail.ru

OREKHOVSKY Petr A.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of Sector of Philosophy and Methodology of Economy Science;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.

e-mail: orekhovskypa@mail.ru

Для цитирования:

Ореховский П.А. «Феномен Горбачева»: распад СССР через призму новой политической экономики // Федерализм. 2022. Т. 27. № 3 (107). С. 5–22. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2022-3-5-22>